КАНОНИЗАЦИЯ РОССИЙСКИХ НОВОМУЧЕНИКОВ И НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

И.В. Семененко-Басин

Интерес исторической науки к таким аспектам религиозно-церковной жизни, как почитание святых, обусловливает сегодня возрастание значимости духовной сферы на фоне продолжающегося процесса секуляризации. Необходимо отметить, что в российской православной традиции почитание святых и их чудес всегда было очень значимо; широкое распространение обрядового общения со святыми объясняется тем, что в народных представлениях святые занимали как бы промежуточное положение между миром людей и потусторонним миром, выступая представителями сразу и того, и другого[1]. В наши дни церковный календарь заметно пополнился именами святых XX в., прежде всего именами новомучеников и исповедников, причисленных к лику святых собором Русской православной церкви в 2000 г.[2] Собор был приурочен к празднованию юбилея Рождества Христова, и грандиозная канонизация стала важнейшим событием юбилейных торжеств. По словам протоиерея Г. Митрофанова, члена Комиссии по канонизации святых, прославление новомучеников «является одним из важнейших духовных начинаний, призванных преобразить церковную жизнь современной России»[3]. С тех пор термин «новомученик» стал сравнительно часто употребляться не только в церковных изданиях, но и в научной литературе, и даже в сообщениях СМИ.

Прославление новомучеников обнаружило ряд проблем, обсуждаемых сегодня в церковных и научных кругах. Вопросы, поставленные прославлением новомучеников, могут со временем значительно повлиять на формирование проблемного поля истории Церкви в России, в чем-то изменить самовосприятие отечественной религиозной культуры.

В качестве первой проблемы, поднятой в контексте почитания новомучеников, выделим утрату исторической памяти. Казалось бы, в начале 90-х гг. XX в. Русская православная церковь не обладала более актуальными символами, нежели образы новых мучеников; тем не менее в те годы парадоксальным обстоятельством было забвение боли минувших лет. Память о терроре, начавшемся уже в 1918 г., долгое время оставалась сокрытой и неинтегрированной частью общественного сознания. Верующим в конце XX в. еще только предстояло осмыслить феномен новомучеников, пройти своего рода «терапию памяти», разрушить те защитные механизмы, которые долгое время позволяли жить так, «как будто бы жертв не было».

На практике Русской Православной Церкви пришлось начать прославления новомучеников в лике святых для того, чтобы вернуть их имена в актуальное общественное сознание. По сравнению с традиционной ситуацией зарождения культа святых все оказалось «перевернуто». Прославлению не предшествовало продолжительное народное почитание умерших, наоборот, зачастую верующие узнавали о мученике только из акта канонизации. Протоиерей Владимир Воробьев в докладе о прославлении новомучеников подчеркнул, что на соборе в 2000 г. были канонизированы все российские новомученики, ведомые и неведомые, весь сонм пострадавших за Христа; дальнейшая работа по прославлению новомучеников в таком случае является лишь уточнением их имен. В старину местная канонизация святого означала, что епископат утверждает реально существующее местное народное почитание усопшего. Обратившись к истории данной традиции, Владимир Воробьев признал, что ныне в

---

[1] См.: *Мороз А.Б.* Святые Русского Севера: народная агиография. М., 2009.

[2] Кроме того, в 2001 г. собор Русской православной старообрядческой церкви (белокриницкой иерархии) прославил «священномучеников, мучеников и исповедников, за веру Христову пострадавших в XX веке от безбожников» (Церковная жизнь: Освященный Собор 2001 г. // Церковный календарь на 2002 год / Русская Православная Старообрядческая Церковь. [М., 2001]. С. 121–122).

[3] *Митрофанов Г., прот.* История Русской Православной Церкви: 1900–1927. СПб., 2002. С. 3.

России местная канонизация нередко происходит в отсутствие всякого местного почитания и впервые учреждает память нового святого[4].

Впрочем, мы можем ошибиться, приняв за забвение консервативную тенденцию народной религиозности, вообще очень медленно откликающейся на новые канонизации, на новые имена святых. Обратимся к фольклорным религиозным текстам, записанным экспедициями Московского университета в течение 1953–1993 гг. и обнимающим всю жизнь русской крестьянской семьи (использовались в различных случаях: в болезнях, опасностях, в лесу и поле, при рождении детей и т.д.). В этих текстах не упомянут ни один русский святой, канонизированный в Новое время; преимущественно они обращены к библейским и древним христианским святым, известным еще со времен принятия русскими христианства, редко — к русским средневековым святым[5].

Исследование А.В. Юдина, выполненное на материалах фольклорных записей XIX в. и в меньшей степени XX в., показало, что народная религиозная традиция глуха к новым церковным канонизациям. Очень редко в старых источниках присутствуют двое (всего лишь!) новопрославленных святых — свв. Димитрий Ростовский и Тихон Задонский, к которым могли обращаться как к помощникам и целителям[6]. Е.Е. Левкиевская также не выявила в фольклорных религиозных текстах, записанных в XIX–XX вв., имен святых, прославленных в Новое время[7]. Таким образом, с уверенностью можно говорить о предельном консерватизме ономастикона религиозной культуры восточных славян.

Поскольку образ новомученика XX в. еще только открывается современному человеку, встает проблема источников, процедур извлечения исторического знания. Подготовка канонизации 2000 г. породила трудноразрешимую проблему интерпретации документов, сформированных репрессивными органами СССР. Сегодня, когда многие материалы стали доступны исследователям, тексты следственных дел требуют особого источниковедческого подхода[8]. Например, в некоторых следственных делах сохраняются показания арестованных об их участии в заговорах и преступлениях, скорее всего фантастических; подписи арестованных могут стоять под показаниями, содержащими обвинения в адрес близких к ним людей. Исследователь в некоторых случаях теряется в догадках, оговорили ли арестованные себя и близких под пытками, не были ли документы подделаны? Проблема заключается прежде всего в том, что во многих случаях следственные дела остаются единственным источником, освещающим арест и следствие по конкретному делу. Иногда следственное дело — даже единственный источник по истории конкретной группы верующих, при полном отсутствии писем или мемуарных свидетельств.

Впрочем, сложности с образом новомучеников, с интерпретацией имеющихся источников не ограничиваются только проблематикой следственных дел. Как выяснилось в последние годы, изучения требует также типология российских новомучеников и жертв репрессий XX в. К ним трудно применить традиционные агиографические схемы, восходящие еще к византийской эпохе; проблема заключается также и в том, что новомученики XX в. зачастую свидетельствовали не словом, но своим безмолвным присутствием в мире[9]. Канонизация и храмовое почитание новомучеников ставит воп-

---

[4] См.: *Воробьев В., прот.* Некоторые проблемы канонизации святых сегодня // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института. М., 2002. С. 156–162.

[5] См.: Русские заговоры и заклинания: Мат-лы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / под ред. проф. В.П. Аникина. М., 1998.

[6] См.: *Юдин А.* Ономастикон русских заговоров: Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997 (Московский общественный научный фонд. Сер. Монографии. № 4). С. 101, 102.

[7] См.: *Левкиевская Е.Е.* Славянский оберег: семантика и структура. М., 2002.

[8] См.: *Головкова Л.* Особенности прочтения следственных дел в свете канонизации новомучеников и исповедников Российских // Альфа и Омега. 2000. № 4 (26). С. 206–215; *Романова С.Н.* «Дела по обвинению» православного духовенства и мирян: 1937–1938 гг. // Отечественные архивы. 2001. № 4. С. 4–12; *Иноземцева З.П.* Совместимы ли эмоциональные идеологемы с научной критикой исторического источника? // Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее / под ред. А.Б. Безбородова и др. М., 2005. С. 170–178.

[9] См.: *Шмаина-Великанова А.* О новых мучениках // Страницы: Богословие. Культура. Образование. 1998. Т. 3. Вып. 4. С. 504–509.

рос о стилистике их церковных житий. Обсуждая критерии и характер будущей агиографии жертв антирелигиозного террора, священник Олег Митров выделил сотериологический принцип, который должен быть положен в основу работы агиографа. Образчики позднесредневековых византийских житий историк признал непригодными для свидетельства о святости новомучеников[10]. Как бы то ни было, даже светские на первый взгляд воспоминания об известном священнике, мученически окончившем земную жизнь, создаются сегодня в России с сознательной или бессознательной ориентацией на многовековые традиции агиографии[11].

С проблемами типологии связаны и толкования терминов. Собор прославленных Церковью святых страдальцев именуется собором Новомучеников и исповедников. Казалось бы, термины сгруппированы неточно. На первом плане должны быть не мученики, но исповедники и апологеты веры, действовавшие в обстановке страданий и опасности, вне зависимости от того, были ли они убиты своими противниками; в противном случае в фокусе внимания оказывается насилие как таковое. И все же Церковь говорит именно о страдании и насильственной смерти святых. На фронте «эсхатологической» войны коммунистического режима с представителями «старого мира», с носителями ценностей исторической России, очень редко допускалось раскаяние врагов. Известные процессы по делам о церковных ценностях, так же как и более поздние закрытые процессы над деятелями Церкви, формально не касались доктринальной сути веры. Такой опыт мученичества вобрал в себя безвыходность, замкнутость и обреченность, как и в случае жертв нацистских концлагерей. Вероятно, отсутствие религиозного выбора значительно корректирует схематичный, знакомый нам по древнехристианским мартириям образ свидетеля веры.

Канонизация и почитание новомучеников оттенили еще одну проблему, хотя и не относящуюся непосредственно к подвигу жертв XX в., но с ним соприкасающуюся. Речь идет о неизвестных святых, праведниках, которые были сокрыты в повседневности советского общества (некоторые из них со временем могли стать мучениками). Применительно к советскому периоду русской истории М. Михайлова предложила плодотворную метафору святости частной жизни[12]. Таковая оказывалась единственной, кроме мученичества, формой святости, которую оставлял человеку государственный антирелигиозный террор. Верующий человек приводил в порядок тот маленький участок, который составлял сферу его личной ответственности. Очевидно, что в такой святости не было пафоса и идеологизации. Исследовательница подчеркнула ее реалистический характер, сумев найти удачный образ, почерпнутый из церковной традиции: новая святость, как бы растворенная в повседневности, была верна Животворящему Кресту.

Каково состояние литературы о канонизации новомучеников сегодня? Здесь мы сознательно не касаемся такой литературы, как жития новомучеников, чрезвычайно многочисленных. Отметим только работы, посвященные проблемам прославления и почитания святых, восприятия святости. Среди работ, посвященных канонизации, большую ценность представляют тексты церковных авторов. Например, в работе протоиерея Владислава Цыпина содержится обзор канонизации святых в Российской Церкви вплоть до 1988 г.[13], архимандрит Макарий (Веретенников) опубликовал подробное исследование о подготовке и проведении канонизации святых на Поместном соборе 1988 г.[14], а игумен Андроник (Трубачев) написал историческое исследование о канонизации русских святых вплоть до XX в.[15] Митрополит Ювеналий (Поярков), с

[10] См.: *Митров О., свящ.* Опыт написания житий святых новомучеников и исповедников Российских: Проблемы жанра // Труды РОФ: «Память мучеников и исповедников РПЦ». М., 2004. Вып. 1. С. 24–27.

[11] *Wehrle J.M.* The life of Aleksandr Men : Hagiography in the making — The Aleksandr Men memoirs as hagiography // Greek Orthodox Theological Review. Brookline, 1999. Vol. 44. Iss. 1–4. P. 419–451.

[12] См.: *Михайлова М.* Частная жизнь как форма святости в XX веке // Мученичество и святость в XX веке: Мат-лы II Международных патристических чтений (25–26 января 2007 г.) / отв. ред. И.И. Евлампиев. СПб., 2007. С. 106–118.

[13] См.: *Цыпин В., прот.* О канонизации святых в XX веке (до 1988 г.) // Канонизация святых в XX веке. М., 1999. С. 12–17.

[14] См.: *Макарий* (*Веретенников*), *архим.* Канонизация митрополита Макария // Канонизация святых на Руси: Мат-лы VI Российской научной конференции, посвященной памяти святителя Макария (10–12 июня 1998 г.). Можайск, 1998. С. 7–16.

[15] См.: *Андроник* (*Трубачев*), *игум.* Канонизация святых в Русской Православной Церкви // Православная энциклопедия: Русская Православная Церковь / научн. ред. прот. В. Цыпин, А. Назаренко; ред. Е. Кравец. М., 2000. С. 346–371.

80-х гг. возглавляющий в Русской православной церкви Комиссию по канонизации святых, подробно рассказал в своих мемуарах об основных этапах работы возглавляемой им комиссии, изложены ее критерии при подготовке новых прославлений[16]. Автор включил в книгу содержательные доклады о прославлении новомучеников и исповедников XX в.[17] О критериях, принятых комиссией при подготовке новых прославлений, ранее писал также архимандрит Георгий (Тертышников)[18].

Прославление святых находится в поле научных интересов светских ученых. Исследование канонизации русских святых в период после революции 1917 г., подготовленное автором этих строк, содержит историю символизма святости в культуре и биобиблиографические очерки о святых[19]. Канонизации новомучеников воссозданы автором как форма деятельности, отвечающая глубинной потребности человека обнаружить и пережить святое в личном и коллективном опыте.

Социологическое исследование прославления русских святых в XX в. проведено К.С. Емельяновым[20], уделившим особое внимание стратификации, которую канонизации вносят в сообщество верующих. Функционирование канонизационных практик в русской православной культуре XX в. исследователь интерпретировал с позиций неоинституционализма; по его мнению, сегодня Церковь как организация уже не легитимизирует народные практики почитания, но сама предлагает обществу святых для почитания.

М.М. Лоевская предприняла комплексное изучение старообрядческой агиографии и житий новомучеников XX в. в диссертации, посвященной развитию житийного жанра в кризисные эпохи истории[21]. Исследовательница предложила концепцию внутренней взаимосвязанности русской агиографической традиции, системности ее аксиологических установок и способов реагирования житийного жанра на события социальной катастрофы.

Большое внимание привлекает почитание последнего российского императора и августейшего семейства, канонизированных в 2000 г. в лике страстотерпцев. В частности, накануне канонизации А. Десницкий корректно сформулировал ряд культурно-психологических проблем, возникающих в случае церковного прославления Николая II[22]. В работах А.Л. Беглова и И.В. Семененко-Басина была показана историческая динамика народного почитания царя-мученика и парадоксальные повороты данного сюжета в событиях современной церковной истории[23]. Публикуются работы об идентификации мощей императора и августейшего семейства, о многолетней дискуссии относительно аутентичности царских останков, которые были найдены в конце XX в. на Урале и перезахоронены в июле 1998 г. в Петербурге в соборе Петропавловской крепости[24].

Канонизация Николая II пробудила интерес к культу святых венценосцев. Известно, что в последние годы существования монархии в Пет-

---

[16] См.: *Ювеналий* (*Поярков*), *митр.* Жизнь в Церкви. М., 2008. С. 54–57.

[17] Там же. С. 344–372.

[18] См.: *Георгий* (*Тертышников*), *архим.* Критерии канонизации местночтимых святых в Русской Православной Церкви // Альфа и Омега. 1999. № 3 (21). С. 186–193.

[19] *Semenenko-Basin I.* Eternamente fiorisce: I nuovi santi della Chiesa ortodossa russa. Milano, 2005.

[20] См.: *Емельянов К.С.* Канонизация святых Русской Церкви как объект социологического исследования: автореф. дисс. ... канд. социологии. М., 2005.

[21] См.: *Лоевская М.М.* Русская агиография в культурно-историческом контексте переходных эпох: автореф. дисс. ... д-ра культурологи. М., 2005.

[22] См.: *Десницкий А.* Священство и Царство в российском общественном сознании: (Из истории одного архетипа) // Континент. 2000. № 2 (104). С. 248–278.

[23] См.: *Беглов А.* О происхождении религиозных настроений, лежащих в основе почитания Григория Распутина и царя Ивана Грозного // Царь Иван Васильевич: Грозный или Святой? Аргументы Церкви против канонизации Ивана Грозного и Григория Распутина. М., 2004. С. 52–58; *Семененко-Басин И.В.* Культ императора Николая II в традициях российского православия XX — начала XXI вв. // Религиоведение. 2009. № 3. С. 28–38.

[24] См.: *Розанова Н.* Царственные страстотерпцы: Посмертная судьба. М., 2008.

рограде собирались материалы для канонизации императора Павла I[25]. Этот забытый уже, казалось бы, сюжет вновь оказался востребован в начале XXI в. В новой работе о почитании неканонизированного императора автор показал Павла идеальным ктитором Православной Церкви, обосновав его церковное почитание. Согласно А. Хвалину, императору Павлу следует молиться о воскресении православной монархии в России[26]. Такое эмоциональное отношение к культу императора Павла заставляет вспомнить о существовавшей в дореволюционной России традиции сакрализации не только властных прерогатив царя, но даже самой личности самодержца.

Когда именно сформировалась эта устойчивая тенденция? В работе В.М. Живова и Б.А. Успенского[27] были определены два ключевых момента — время правления царя Алексея Михайловича (1645–1676) и его сына Петра I (1689–1725). Тогда византийская традиция, изначально именовавшая императора святым, оказалась преломлена и переосмыслена под сильнейшим воздействием европейского стиля барокко. Таким образом, в русской культуре категория святости с начала XVIII в. включала и семантику монаршей власти.

Для темы почитания новомучеников принципиально важна стабильность понятия святости как аксиологической категории культуры. На фольклорных материалах Белгородской, Курской и Воронежской областей С.П. Коноваленко показала, что в народном благочестии святые неизменно предстают носителями высоких нравственных качеств. Поскольку Христос Спаситель и Богородица стали главными святыми персонажами русской народной религиозности, их черты (милосердие, заступничество, прощение) фольклорная религиозность ищет также и в других святых. По мнению Коноваленко, культ сострадательной любви остается важнейшим в народном восприятии святости. Исследовательница подчеркнула открытость и диалогическую специфику фольклорной религиозности: «Святой в народном сознании как носитель святости (высшего качества человека) не обязательно являлся воцерковленным человеком или аскетом. Чаще всего святые — это бескорыстные служители высшим идеалам, образцы нравственного поведения, живые носители религиозных заповедей» [28].

Исследование семантического поля русского языка, объединяемого концептом «святость», предприняла С.А. Смирнова, справедливо усмотревшая в персонификации святости важнейший феномен национальной культуры[29]. В диссертации Смирновой понятие святости получило лингвистическое осмысление как особое семантическое пространство русского языка, детерминированное учением Церкви о мироустройстве и знанием о духовном восхождении человека к горнему миру.

В то же время в современной русской культуре наблюдаются существенные различия в употреблении и значимости понятия святости в различных социо-культурных группах. На материалах прессы и интервью, собранных в Самаре, Ю.В. Лапатухина установила, что в речевом сознании нецерковных реципиентов значимым сегодня остается прежде всего понятие «покаяние». Что же касается понятия «святость», то оно незначимо, это, по сути, пустая языковая словоформа. Напротив, «святость» — в высшей степени значимое понятие для практикующих православных, наравне с «покаянием», «душой» и «спасением». Исследование показало, что «языковое религиозное сознание в структуре православного дискурса церковной

---

[25] См.: *Вишняков В.* Венок на гробницу Императора Павла I. Петроград, 1916; *Он же*. Император Павел Первый: Опыт применения принципов Православия к историческим исследованиям. Петроград, 1916; *Фомин С.В.* Последний царский святой: святитель Иоанн (Максимович) митрополит Тобольский, Сибирский чудотворец: Житие, чудеса, прославление, служба, акафист. СПб., 2003. С. 92–98.

[26] См.: *Хвалин А.* Пасха Императора: мат-лы к житию Царя-мученика Павла I Петровича. М., 2008.

[27] См.: *Живов В.М., Успенский Б.А.* Царь и Бог: (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // *Успенский Б.А.* Избран. труды. М., 1996. Т. I. С. 205–337.

[28] *Коноваленко С.П.* Философско-культурологический анализ феномена святости и образа русского святого в народном православии: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Белгород, 2008. С. 8.

[29] См.: *Смирнова С.А.* Святость как феномен русской культуры (семантическое и лингвокультурологическое описание): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Северодвинск, 2005.

группы базируется на маркерах Святость, Соборность, Христианство, Священник»[30].

И все же в современном российском обществе присутствуют ожидания, связанные с сакральным. Возвращение к традиционной христианской жизненной практике, в которой идея сакрального преображения занимала главенствующее место, видится Д.В. Макарову единственно возможным путем духовного возрождения современного человека[31].

Основные направления исследований о почитании новомучеников, появившихся после канонизации последних, так или иначе выводят на проблему уникального в событиях церковной истории XX в. Можно с уверенностью предположить, что в XXI в. в русской православной религиозной культуре продолжится освоение смысловых полей и значений, порожденных опытом религиозной жизни ушедшего XX в. Обсуждение российского опыта жертвенности и святости способно открыть перед богословами и учеными-историками новые перспективы развития как христианской мысли, так и церковной историографии.

© Семененко-Басин И.В., 2010

[30] *Лапатухина Ю.В.* Индивидуальные и групповые маркеры православного дискурса (экспериментальное исследование): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2000. С. 17.

[31] См.: *Макаров Д.В.* Идея преображения в русской духовной культуре: автореф. дисс. ... д-ра культурологи. М., 2009.